

раздвигают груду снега. Капнула бересклет — и снега легко дышать. Ветер, мильный ветер! Ты совсем недавно был самым опасным врагом. Именно твой буйной сила взвыла в эту вьющуюся бестолочь, заставив остановиться на попутни. Теперь ты — единственная надежда. Только не утихай. Пусть будет больше угроз энергии в твоих невидимых мускулах. Федор прижался щекой к стволу, как бы измеряя силу невидимого урагана.

— Нет, это еще не конец. Витек. Еще можно и нужно попытаться. Улыбайся в своей крохотке, малыши. Ты еще ничего не понимаешь, ты не знаешь, как сейчас тяжело твоему отцу.

С чего начать? «Со-принимаясь на местности», попробовал улыбнуться Федор, вспомнив слова командиры на армейских занятиях.

Прямо скажем, положение не из удобных. Положение кульпальщика, пригающего в реку вниз ногами с боязливой высоты обрывистого берега. В таком виде, прижав к тему березкам-соседкам, запечатала его синийкий обнаж.

Нужно высвободить откнутые назад руки. Во что бы то ни стало. Любой попытка пошевелиться вызывала ощущение гнетущей тяжести. Что ж, надо все делать постепенно. Сначала навалиться грудью вперед, затем назад. Вперед — назад. И в таком напряжении руки. Только не торопиться, расчетливо расходовать силы.

Грудь перестала ощущать неумолимую тяжесть. Это здорово! Теперь можно дышать свободно. Мы еще повоним, Витек!

Ноет нога, втянутая вниз. Не от боли — от холода. Федор пощевелился пальцами. Поддается. Вроде даже хлопает. Ничего удивительного — снег сырь.

Можно поворачивать голову. Федор посмотрел вперед. Где-то над ним, немного впереди, по ходу стволов березок виднелась узкая белая полоска. Там, вздрогивая, чернели ветки.

Там — ветер, там пурга делает свое дело. В глаза швырнуло жесткие снежинки. Федор зажмурился, и на глазах замерли скучные капли — то ли слезы, то ли растянутые снежинки.

Руки. Нужно высвободить руки. По ту сторону стволов есть свободное пространство. Эти прозоры — след березок, выдержавших натиск ветра. Спасение придет, если он простиется туда. Как бы поступила я на его месте, этот настоящий человек?

Федор припал к стволу и осторожно вплыл в него зубами. Мякоть дерева уступила. Он ощущал знакомый с детства запах березовой рощи.

Однако там, на Украине, на его родине. Там он бегал босиком вместе с братишкой Михаилом, тайком от взрослых надрезал бересклеты и пил холодный сладковатый сок. Вместе с Михаилом вчера на тракториста, работал в колхозе. Потом армия. Комсомольская путевка на Сахалин. А Михаил и сейчас в колхозе. Там мать, сестра. Там много белых хат, пойных солнца и воздуха. Там, на земле, много простора. Но как это мало здесь, под снегом!

Только бы выбраться из этой за-

стии. Твердо и решительно — это ствол дерева. Как раз вдоль анца. Потому болят паси! Федор скосил взоры и понял. Паси уперлись в два других ствола. Его бросило, прижало к этим деревьям и завалило. Но откуда поступает волна? Федор попробовал двинуть головой, но ощущал все ту же сковывающую тяжесть. Снова царапнула щеку, и слова нетерпимые легкие угодили свой голове. Федор взглянул вверх и скорее почувствовал, чем увидел спасительную отдушину. Ясно. Ветер качает бересклеты, а бересклеты стволами

Проводжение. Начало в № 127, 128.

Хочется только пить, очень хочется. Федор втянулся в пот спадающие с горючими капель. Пить! Он втянулся и втягивался в пот пригорюши света. Пот в руке, раздумывая. Когда он слушал в армии и увлекался лыжным спортом, тренер говорил ему, что в конце этого льда не следует. Это ослабляет. Федор нехотя развел пальцы, и твердый белый комочек растворился в белом оканье. Силы надо беречь.

Федор не успел испугаться. Шорох, секундная мысль об опасности — и глаза попали белые, красные, желтые круги. Или это разноцветные погремушки на кроватке сына? Федор выдохнул: «Спасибо!», но крик застрял в горле. Стало темно почему-то. Совсем тихо. Куда исчез заинтригующий вор? Неужели так быстро все кончилось? Федор попробовал пошевелиться, но что-то безмерно тяжелое, мягкое сдавило его. Круги перестали пальять. Ныли от боли паси. Руки, откнутые назад, были словно чужие. Левая нога завернулась в стопу.

Федор понял, что произошло: снежный обвал. С сопки, которая повисла над дюнами. И улас, немой, стынивший ужас сдавил горло. Все. Это конец. Он задыхается. Не надо снега, — дает воздух! Федор рванулся.

Боль в пасах, да тупая тяжесть в голове. Белые, красные, желтые круги. Витек шустро улыбается, хватая руничками погремушки...

Что-то твердое и шершавое царапнуло щеку, и Федор почувствовал, как в легкие вошла невидимая снега. Искривленные, сознание прояснилось. Воздух. Есть воздух! Федор открыл глаза, но ничего не мог различить.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Твердо и решительно — это ствол дерева. Как раз вдоль анца. Потому болят паси! Федор скосил взоры и понял. Паси уперлись в два других ствола. Его бросило, прижало к этим деревьям и завалило. Но откуда поступает волна? Федор попробовал двинуть головой, но ощущал все ту же сковывающую тяжесть. Снова царапнула щеку, и слова нетерпимые легкие угодили свой голове. Федор взглянул вверх и скорее почувствовал, чем увидел спасительную отдушину. Ясно. Ветер качает бересклеты, а бересклеты стволами

раздвигают груду снега. Капнула бересклет — и снега легко дышать.

Ветер, мильный ветер! Ты совсем недавно был самым опасным врагом. Именно твой буйной сила взвыла в эту вьющуюся бестолочь, заставив остановиться на попутни. Теперь ты — единственная надежда. Только не утихай. Пусть будет больше угроз энергии в твоих невидимых мускулах. Федор прижался щекой к стволу, как бы измеряя силу невидимого урагана.

— Нет, это еще не конец. Витек. Еще можно и нужно попытаться. Улыбайся в своей крохотке, малыши. Ты еще ничего не понимаешь, ты не знаешь, как сейчас тяжело твоему отцу.

С чего начать? «Со-принимаясь на местности», попробовал улыбнуться Федор, вспомнив слова командиры на армейских занятиях.

Прямо скажем, положение не из удобных. Положение кульпальщика, пригающего в реку вниз ногами с боязливой высоты обрывистого берега. В таком виде, прижав к тему бересклетам-соседкам, запечатала его синийкий обнаж.

Нужно высвободить откнутые назад руки. Во что бы то ни стало.

Любой попытка пошевелиться вызывала ощущение гнетущей тяжести. Что ж, надо все делать постепенно. Сначала навалиться грудью вперед, затем назад. И в таком напряжении руки. Только не торопиться, расчетливо расходовать силы.

Грудь перестала ощущать неумолимую тяжесть. Это здорово! Теперь можно дышать свободно. Мы еще повоним, Витек!

Ноет нога, втянутая вниз. Не от боли — от холода. Федор пощевелился пальцами. Поддается. Вроде даже хлопает. Ничего удивительного — снег сырь.

Можно поворачивать голову. Федор посмотрел вперед. Где-то над ним, немного впереди, по ходу стволов березок виднелась узкая белая полоска. Там, вздрогивая, чернели ветки.

Там — ветер, там пурга делает свое дело. В глаза швырнуло жесткие снежинки. Федор зажмурился, и на глазах замерли скучные капли — то ли слезы, то ли растянутые снежинки.

Руки. Нужно высвободить руки. По ту сторону стволов есть свободное пространство. Эти прозоры — след бересклетов, выдержавших натиск ветра. Спасение придет, если он простиется туда. Как бы поступила я на его месте, этот настоящий человек?

Федор припал к стволу и осторожно вплыл в него зубами. Мякоть дерева уступила. Он ощущал знакомый с детства запах бересовой рощи.

Далеко от уюта? Федор с трудом повернулся головой. Эхин тянулся неизвестный глубокий след.

Федор попытался встать. Ветор с силой швырнулся его из-за. Чай бы сейчас, горячего чаю. Неужели конец? Обняло замерзать, когда выбрасывалася. Однажды, глупо...

Опять во рту снег. Холодный снег. Лучше бы чаю. Айда! Чай!

Федор встал еще раз и, шатаясь под напором ветра, упал на спину. Его широко открытыми глазами морковь осеняла. Он порывисто дышал.

Жутко ему ветер.

Федору казалось, что он пил горячий, обжигающий губы, чай.

(Продолжение следует.)

Леска, девушки мало, что ли, обязательно на разведенной живности? Что им было отвечать? Усыновила он Бовинка. Хороший такой паси, смешной. «План», — говорит, — летом будем вместе на рыбалку ходить.

На рыбалку. Придется ли вообще ходить? Опять, друг, расписывай.

Не годится. лучше потонуть выбираться. Выгреби одну ступеньку, другую.

Федор занес ногу, но его снова потянуло назад. В чем дело? Федор в недоумении насторожился, размышился, потом опустил полы плаща. А... А-левый из плаща намотан вокруг ствола. Это, видимо, произошло при падении. Снять плащ нельзя: тесно, не развернешься. Остается другое — Федор бежит намотанную паси левой рукой. Оторвать намотанную полы — единственный выход.

Конечно и с этим. Остается вымреть. Нужны ступени. Федор начал гороплавко греши руки обледенелый снег. Он не замечал боли, крови на пальцах. Цель блажи.

...Когда Федор вылез изверг, его зашатало. Он не мог понять: это ветер такой сильный или он ослаб? Видно, и то и другое. Тогда перед ходом лучше отдохнуть.

Федор оперся о ствол и потянула ногу. Она легко поддалась вверх. Но почему там хлопот? Вот она что! Под ногам бежит ручей. Там блестит жижа, весна берет свое.

Федор встал, скрутился паси, почему-то повесился на береск.

Федор встал, скрутился